

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ ПОИСК

Александр ПАВЛОВ

Кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник.
Институт философии РАН.
109240, Российская Федерация, Москва, ул. Гончарная,
д. 12, стр. 1;
e-mail: ale-pavlov@yandex.ru

ПАТРИОТИЗМ. ОЧЕНЬ КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ИДЕИ

В статье раскрывается понятие патриотизма и предлагается очень краткая история его идеи. Сначала рассматривается, что понималось под патриотизмом в Античности, Древнем Риме (какими терминами обозначали любовь к родине), в поздние Средние века, в эпоху Ренессанса, в Новое время и вплоть до Французской революции. Дается типология «патриотизмов» (племенной, местный, национальный, государственный, классовый, корпоративный), а также – сравнительный анализ патриотизма и национализма, называются их отличительные характеристики. В частности, утверждается, что патриотизм – куда более древний феномен, нежели национализм. Далее в тексте идет речь о том, как о патриотизме рассуждали выдающиеся социально-политические мыслители – стоики, Цицерон, Макиавелли, Гоббс, Руссо, а также американские отцы-основатели, в частности Томас Джефферсон и Авраам Линкольн. Особое внимание уделяется русским мыслителям, в фокусе внимания которых был патриотизм. Так, речь идет о Толстом, считавшем патриотизм «религией рабов» и противопоставлявшем его истинному христианству. Другие русские философы были более осторожны в своих высказываниях, различая истинный и ложный, полезный и вредный патриотизм (Бердяев, Ильин, Флоровский, а также Н.С. Трубецкой, Устрялов). Кроме того, коротко рассматривается то, каким образом «классово понимали» патриотизм Ленин и Сталин.

Ключевые слова: патриотизм, социальная философия, политическая теория, история идей, марксизм

Патриотизм (греч. *πατριώτης* – соотечественник, *πατρίς* – отечество) – социальное чувство, выражающее высшую, вплоть до готовности пожертвовать своими витальными и экзистенциальными потребностями, степень привязанности (любви) человека к родине.

Как социальное чувство патриотизм издревле свойственен человеку. Однако объект патриотизма менялся в зависимости от социального окружения человека и степени развития социума. В рамках племенной организации устойчивость патриотизму придавало чувство кровной связи между членами племени, т. е. чувство семьи. В рамках перехода людей к оседлому образу жизни, роста народонаселения и формирования первых государств фокус патриотизма смещался от семейных отношений на отношение к земле, на которой проживает человек. Образование городов и формирование городского населения, имеющего относительно слабую связь с семьёй и представляющего собой квазианонимное сообщество, создаёт такой объект патриотизма, как гражданственность или общая культурная среда, которая, объединяя городских жителей на основе общих мировоззренческих ориентиров, трансформирует человека из исключительно природного существа в существо социальное. Впервые патриотизм в качестве зрелого социального феномена появился в классическую эпоху Древней Греции (V–IV вв. до н. э.).

Вероятно, предтечей патриотизма выступало понятие «арете», которое можно перевести как «доблесть», что, однако, не отражает всю многозначность понятия. «Арете» – это высокое нравственное качество вообще. Оно изначально присуще героям и представителям благородных сословий (именно так понималось «арете» в учениях Пифагора, Гесиода и Гераклита). Постепенно под влиянием софистов, объявивших себя учителями «арете», данное понятие демократизируется и политизируется. В учении Платона «арете» превращается в стремление к справедливости как высшей добродетели, к которой должен тянуться как обычный человек (поскольку «арете» уравнивает начала человеческой души), так и законодатель (поскольку «арете» придаёт государству долговечность и устойчивость). Младший современник Платона Аристотель, используя понятие «арете» для выстраивания классификации добродетелей, в то же время отмечал, что высшим «арете» выступает деятельность ради блага гражданской общины (полиса) и своих сограждан.

Такое понимание патриотизма достигло своего расцвета в Республиканском Риме (III–I вв. до н. э.), где на основе мифа о происхождении Рима сформировалось представление о богоизбранности римского народа, сила которого определяется способностью граждан Рима служить городу, невзирая ни на что. Одновременно формировалось и представление об идеальном гражданине, который должен обладать такими качествами, как мужество, стойкость, честность, верность, достоинство, умеренность в образе жизни, способность подчиняться дисциплине на

войне, утверждённому народным собранием закону и установленному «предками» обычаю в мирное время, чтить богов. В качестве идеала гражданина приводились образы основателя Римской республики Луция Юния Брута, которой приговорил к казни своего сына, предавшего Рим; братья Горации, отстаивавшие независимость Рима в смертельной схватке с представителями враждебного города; Муций Сцевола, добровольно сжёгший свою руку на глазах царя этрусского Порсены и тем самым спасший город от разграбления.

Патриотизм имел и религиозное измерение. Для человека эпохи Античности его родина была также и родиной особого бога, который рассматривался в качестве основателя города и родоначальника сообщества. Так, самоназвание римлян было квириты – потомки бога Квирина, выступавшего божественным воплощением основателя Рима Ромула. Другими словами, служение родине было также деятельным выражением благочестия, а сама родина создавалась через реализацию культа отцовских богов. Отсюда обычай римлян перевозить в Рим богов завоёванных народов. Как следствие, Рим становился родиной указанных народов. Обратной стороной этого процесса в период Римской империи стало навязывание культа императора, исповедование которого превратилось в признак лояльности. Распространение христианства и его утверждение в качестве официальной религии Римской империи оказало разрушительное воздействие на римский патриотизм. Несмотря на желание римских императоров представить империю в качестве посясторонней родины всех христиан, идеологические установки раннего христианства заставляли рассматривать земной мир как тень и отражение горнего мира, к которому должен стремиться каждый христианин. Подобное представление не способствовало утверждению общеимперского патриотизма.

Распад единой Римской империи и наступление Средневековья, характеризующегося политической дефрагментацией и господством рыцарской этики, привели к упадку патриотического чувства. Впрочем, историк Эрнст Канторович убедительно показал, что в поздние Средние века в Европе власти стали активно продвигать представления о традиционном *regnum* (царство) как о *patria* (родине), требуя от подвластных политического поклонения, вызывающего полурелигиозные чувства. Если в Античности *patria* объединяла в себе разные чувства граждан – религиозные, политические, этические, – то уже в раннее Средневековье такое понимание практически исчезло. В дальнейшем, хотя слово и существовало в повседневном языке, чаще вассалы и рыцари были готовы умереть скорее за *pro domino* (ради господина), нежели за родину. Вместе с тем в традиционном смысле слово было востребовано в церковном политическом лексиконе, в котором *patria* понималось как Царство Небесное. Однако ввиду общих процессов секуляризации *patria* вновь стала обозначать национальные монархии: мистическое те-

ло родины (*corpus mysticum patriae*) возоблададо над мистическим телом церкви (*corpus mysticum ecclesiae*) [6, с. 333–364]. Кроме того, некоторые позднесредневековые политические авторы определённо выражали патриотические чувства. Например, Данте мечтал об объединении Италии, считая её наследницей Римского государства и надеясь, что именно его родина станет во главе всемирной монархии.

В период Ренессанса, в рамках которого происходит всплеск интереса к Античности и античным добродетелям, патриотическое чувство получает импульс к развитию, что нашло выражение как в теоретических штудиях мыслителей (Макиавелли, Гоббс, Руссо и др.), так и в формировании национальных чувств под влиянием событий европейской политики (Столетняя война, Реформация, Тридцатилетняя война). Эти события вели к ослаблению религиозного чувства, выступавшего в качестве субститута патриотического чувства, и, как следствие, утверждению светского патриотизма в качестве ценности формирующегося «буржуазного общества». Утверждение патриотизма в качестве безусловной ценности приходится на период Великой Французской революции, когда понятие «патриот», трактуемое в античном понимании, начинает активно использоваться в риторике политических деятелей, смыкаясь с понятием «гражданин» и превращаясь в высшую добродетель «гражданина». Распространение ценностей Великой Французской революции привело к распространению патриотизма в качестве основы формирования лояльности по отношению к государству, которое начинает требовать его от населения, проживающего на его территории.

Великая Французская революция стала катализатором возникновения другого явления мировой истории – национализма, который часто путают с патриотизмом, используя понятия в качестве синонимов. Вместе с тем патриотизм следует отличать от национализма. Во-первых, патриотизм намного старше национализма. Если национализм многими исследователями рассматривается исключительно как явление Нового времени, сопряжённое с развитием промышленного капитализма, то начало истории патриотизма практически все авторы, исследующие указанное явление, относят к Античности. Во-вторых, различают объекты, на которые направлено чувство в случае патриотизма и национализма. Так, если объектом привязанности в случае патриотизма выступает государство, то в случае национализма – сообщество (нация). В 1993 г. немецкими социальными психологами Т. Бланком и П. Шмидтом было проведено исследование, связанное с изучением восприятия национализма и патриотизма в Германии, которое продемонстрировало следующие различия между данными явлениями. Учёным удалось установить, что для национализма характерно: 1) идеализация нации и её истории; 2) культивирование чувства национального превосходства; 3) согласие с национальными авторитетами; 4) придание крайне высокого значения привязанности к национальной группе; 5) определение

самосознания личности через групповую принадлежность; 6) подавление амбивалентных установок по отношению к нации; 7) определение нации в терминах культуры; 8) представление о нации как о гомогенной общности; 9) высокая вероятность принижения чужой нации при социальном сравнении. Патриотизм же характеризуется: 1) адекватной оценкой национальной привязанности; 2) критическим отношением к своей национальной группе, её оценкой с точки зрения личностных представлений о «добре» и «зле»; 3) плюрализмом и зачастую критическим отношением к истории нации; 4) критическим отношением к национальным авторитетам. В данном исследовании и патриотизм, и национализм рассматривались в качестве однопорядковых социальных явлений, связанных с социальной психологией. Однако эти феномены, как видно, относятся к разным уровням социальной реальности. Если национализм выступает принципом организации социума в условиях размывания традиционных идентичностей, уничтожения традиционных авторитетов, ослабления социальных связей, вызванных распространением промышленного капитализма, то патриотизм – это, как было сказано, социальное чувство, формирующееся у человека в рамках процесса социализации и призванное обеспечить лояльность к социальному объекту.

В зависимости от того, что понимается под объектом лояльности, различают следующие виды патриотизма:

- племенной (объект лояльности – семья, племя);
- местный (объект лояльности – село, город);
- национальный (объект лояльности – нация, народ, история и культура народа, социальные ценности народа);
- государственный (объект лояльности – государство);
- классовый (объект лояльности – социальный класс);
- корпоративный (объект лояльности – организация, которая с точки зрения человека выражает общественные интересы).

В зависимости от форм проявления патриотизма различают:

- патриотический индифферентизм (безразличное, равнодушное отношение к объекту патриотизма, вплоть до его полного забвения);
- аффективный патриотизм (активное проявление патриотических чувств, вызванное глубоким переживанием своей принадлежности к объекту патриотизма).

Будучи чувством, издревле свойственным человеку, патриотизм, как было отмечено, стал предметом осмысления социально-политическими философами ещё в период Античности. Но если греческими философами патриотизм не концептуализировался в качестве понятия, требующего специального пояснения, то для римских мыслителей патриотизм превратился в центральную категорию, определяющую связь человека и государства (гражданской общины). Наиболее подробно такая связь была описана римским мыслителем Цицероном. В работе «Об обязан-

ностях» он пишет: «...из всех общественных связей для каждого из нас наиболее важны, наиболее дороги наши связи с государством. Дороги нам родители, дороги дети, родственники, близкие, друзья, но отечество одно охватило все привязанности всех людей. Какой честный человек поколеблется пойти за него на смерть, если он этим принесёт ему пользу?» [15, с. 78]. При этом Цицерон разводит понятия родины по рождению и родины по гражданству, указывая, что основу первой составляет местность, а другой – право. Безусловно, приоритет мыслитель отдаёт родине по гражданству, «благодаря которой название “государство” охватывает всю нашу гражданскую общину. За неё мы должны быть готовы умереть, ей полностью себя отдать, в неё вложить и ей как бы посвятить все свои достоинства» [14, с. 110]. В отличие от греческого патриотизма, который представлял собой патриотизм местнический, связанный исключительно с гражданской общиной – «полисом», римский патриотизм предполагал органическую связь гражданской общины (“*civitas*”) и государства (“*respublica*”), что впоследствии позволило применить римское понятие «патриотизма» к условиям крупных территориальных государств Нового времени.

С установлением империи «римский патриотизм» подвергся трансформации, включив в себя элементы космополитизма и превратившись в «имперский патриотизм». Его отличительными чертами стало восприятие империи в качестве сферы господства римских ценностей, в которую могли на равных входить не только римские граждане по рождению, но и представители варварских народов, принявшие на себя права и обязанности римских граждан. Таким образом, империя становилась общим домом для всех народов, её населяющих. Появлению «имперского патриотизма» в значительной степени способствовало распространение в Римской империи философского учения стоиков, защищающих концепцию космополитизма. С точки зрения стоиков, государство – отнюдь не противный человеческой природе институт. Так же как и остальные явления этого мира, он существует по природе. Причина его существования кроется в необходимости справедливости, которую государство и поддерживает в рамках человеческого общежития. В то же самое время стоики не абсолютизировали и не идеализировали государство. Их идеал – бесстрастный мудрец – не должен был испытывать чувств привязанности к государству (что предполагал «римский патриотизм»), но должен был его оценивать с точки зрения того, исполняет ли государство свою функцию или не исполняет. Только если оно исполняет свою функцию, его можно назвать благородным. В этом смысле задача мудреца своими действиями способствовать исполнению государством своей основной функции. Т. е. стоики не отрицали государство как таковое, но отказывали государству в возможности вызывать чувства и страсти, а следовательно, и чувство патриотизма как искренней и глубокой привязанности к государству.

Распространение христианства, распад Римской империи и формирование системы феодальных государств в Западной Европе сняли вопрос о патриотизме с повестки дня политической философии, отдав его на откуп, как было сказано, «политическим теологам». Только в эпоху Ренессанса, в рамках которого осуществлялось возвращение к античным образцам в искусстве и политике, осмысление понятия «патриотизма» получило второе рождение. Возрождение понятия «патриотизма» связывают с именем флорентийского мыслителя Макиавелли, который приспособил идеи Античности к ситуации позднего Ренессанса и раннего Нового времени. Прежде всего Макиавелли разделил общественную и личную жизнь, подчинив вторую первой. Индивид, и прежде всего политический лидер, должен действовать исключительно в рамках государственных интересов, ощущая себя частью своего Отечества. При этом не имеет значения государственное устройство отчества. Оно может быть монархией, аристократией или республикой, основной добродетелью гражданина остаётся борьба за интересы государства, а его главное качество – *virtu*, – имея разные значения, в зависимости от контекста употребления, чаще всего подразумевалось как любовь к отечеству. Наградой за деятельность в интересах отчества становится слава и общественное признание. Для Макиавелли принципиальным моментом было участие гражданина в управлении государством. С его точки зрения, любое государственное устройство предоставляет такую возможность. Однако если в рамках монархии или аристократии возможность участвовать в управлении государством носит опосредованный характер, то в республиках этот процесс протекает непосредственно, предоставляя гражданам больше возможностей влиять на происходящие в государстве процессы. Однако становление человека гражданином-патриотом достаточно сложный процесс. Основу этого процесса составляет государственная идеология. По воздействию Макиавелли сравнивает государственную идеологию с религией, подчёркивая, что если религия воспитывает преданность Церкви (в случае Макиавелли – Католической церкви), то государственная идеология должна воспитывать граждан государства, чьи основные добродетели (*virtu*) – преданность и желание принести пользу своему государству.

Становление централизованных государств в Западной Европе привело к распространению понятия «родины». Этому понятию был придан статус основополагающей ценности для всего населения монархических государств, вне зависимости от их социального статуса, – процесс, прослеженный Канторовичем. Все подданные монарха должны были жертвовать своей жизнью ради родины. В рассуждениях богословов жертва за родину приравнивалась к искупительной жертве Христа. Так, французский мыслитель Ж.Б. Боссюэ в своей работе «Политика, взятая из Священного Писания» писал: «Надо быть добрым гражданином и жертвовать для отчества всем, что имеешь, не щадя собственной жизни. <...>

Учение и пример Иисуса Христа показывают, как следует гражданам любить своё отечество. <...> Государю надобно служить так же, как и отечеству... в личности государя воплощено всё государство. В нём сила и воля всего народа... добропорядочный человек готов отдать жизнь за государя» [цит. по: 8, с. 133]. Боссюэ вторил священник Жан Соанен, который в проповеди 1683 г. заявил, что только патриот может считаться хорошим христианином: «Религия и родина – вот два великих предмета, которые должны постоянно нас занимать и наставлять в учении и трудах. <...> Идём ли мы на войну, трудимся ли на благо государства, надо думать лишь о славе Божией и о счастье родины» [цит. по: 8, с. 133].

Эти изменения в осмыслении понятий патриотизма и государства отразились в формировании социально-политической философии Нового времени, а также оказали влияние на распространение учений о государстве и гражданине английского философа Гоббса. С точки зрения Гоббса, государство выступает институтом, преобразующим человеческую природу. Только оно привносит в человеческий коллектив представления о «добре» и «зле», «справедливом» и «несправедливом». Таким образом, от государства зависит становление человека в качестве морального существа – гражданина. Однако и само государство – продукт взаимного согласия людей, для существования которого требуются взаимные верность и согласие; граждане формируют государство (суверена), добровольно передавая ему часть своих прав. Именно взаимные верность и согласие обеспечивают возможность существования и государства, и цивилизации.

Если для Гоббса единственно возможная политическая форма существования государства, а значит, родины – монархия, при этом в соответствии с монархической традицией XVII в. фигура монарха отождествляется с фигурой суверена, то мыслители XVIII в. уже меняют фокус внимания при интерпретации понятия «патриотизм». Так, в «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера указывается на ошибочность отождествления родины и государства, а также на то, что патриотизм (чувство родины) возможен только при демократии. Похожей точки зрения придерживался и Монтескьё, настаивавший на том, что в монархических государствах любовь к родине существует отдельно от государства. В связи с этим современные люди, в отличие от древних греков, испытывают меньшую привязанность к родине. Демократии как необходимому условию воспитания гражданина придавал важнейшее значение Ж.-Ж. Руссо. В работе «Очерк национального воспитания, или План образования для молодёжи» он писал, что «...воспитание должно <...> так направлять мнения и вкусы граждан, чтобы они были патриотами по склонности, по страсти, по необходимости. Дитя, раскрывая глаза, должно видеть отечество, и до смерти не должно ничего видеть, кроме отечества» [цит. по: 8, с. 147]. Соответственно, воспитателями также должны быть соотечественники.

Высказанные французскими просветителями идеи были восприняты в Америке, породив в сочетании с протестантской религиозной культурой особый тип американского патриотизма, базирующегося на «Американском кредо». Сам термин «Американское кредо» был предложен шведским социологом Гуннаром Мюрдалем в книге «Американская вера». Содержание «Американского кредо» трактовалось по-разному. Однако если суммировать различные мнения по этому вопросу, то «Американское кредо» можно определить как совокупность базовых идеологических постулатов, содержащих представление о США как государстве, которое построено на принципах священности прав личности, о роли народа как источнике власти, о подчинённости правительства народу и закону, о главенстве прав большинства и «минимального правительства».

Основу «Американского кредо» заложили рассуждения одного из четырёх отцов-основателей США Томаса Джефферсона о республике и гражданине как её хранителе. Своё личное отношение к республике и своей стране Джефферсон описал в письме к Элбриджу Джерри, датированном 1799 г.: «Первая забота моего сердца – моя собственная страна. В ней моя семья, моё достояние и моё собственное существование. За её пределами у меня нет ни на медный грош интересов или привязанностей и никаких других побуждений отдавать предпочтение одной нации перед другой» [5, с. 59–60]. Патриотические настроения Джефферсона были подкреплены его убеждённостью в избранной судьбе США, которые после крушения проекта Великой Французской революции превратились в единственное государство, поддерживающее принципы прав человека, соответственно американский народ превратился в единственного хранителя указанных прав. Однако избранность не была для него эквивалентом исключительности. Будучи мыслителем и политиком в одном лице, Джефферсон видел примеры искажения принципов демократии и их превращения в догмы, отнюдь не способствующие утверждению свободы как основы существования нации и, соответственно, ведущие к разрушению патриотического чувства. Последнее, кстати, был уверен Джефферсон, будучи одним из проявлений добродетели, может быть воспитано в человеке. Однако универсального рецепта его воспитания быть не может быть: как разнятся географические и социальные условия стран, так разнятся и программы воспитания добродетели.

Вопрос избранности США в мировой истории нашёл отражение и в рассуждениях шестнадцатого Президента Соединённых Штатов Америки Авраама Линкольна, оказавшего значительное влияние на формирование «Американского кредо». Именно им была предложена каноническая формула американской демократии как «правительство народа, управляемое народом и для народа». Указанная формула отражает самопонимание американского патриотизма как чувства привя-

занности не к конкретной земле или государственному устройству, а к принципам, заложенным в основу современного общества, – свободы, формального равенства людей и демократии, понимаемой как реализации права народа на самоуправление. Такой подход в современной литературе называется «договорным патриотизмом» и даже подпадает под понятие «конституционный патриотизм» (об этом см. далее). События Великой французской революции и Американской революции осуществили сплав понятий «патриотизма», «демократии» и «государства» в западном политическом дискурсе.

При этом в российском социально-философском и политическом дискурсе в течение XIX в., за редким исключением, понятие «патриотизма» зачастую оказывалось в большей мере связанным с понятием «государство», чем с понятием «демократия». Объяснение этого кроется в социально-политической ситуации, складывающейся в России, остававшейся в течение всего XIX в. самодержавной монархией. Пример попытки предложить патриотизм в качестве государственной идеологии – выдвинутая графом С.С. Уваровым триада «Православие-самодержавие-народность», в которой любовь к родине («народность») оказалась жёстко увязана с православной верой и самодержавием. При этом в условиях России православная вера была не самостоятельным элементом, а подчинённым посредством фигуры обер-прокурора Синода государству институтом. Ставшая основой для формирования «казённого» патриотизма, триада С.С. Уварова отражала господствующий в тот период в правящих кругах России инспирированный выступлением «декабристов» страх перед революционными изменениями. Вместе с тем несоответствие доктрины «Официальной народности» духу времени не могло не вызвать негативных отзывов в среде образованных классов, которые были заклеены в качестве антипатриотических. Вероятно, первым из таких отзывов стало первое «Философическое письмо» П.Я. Чаадаева, где он заклеил Россию как государство, в котором отсутствуют какие-либо признаки развития и которое своей историей призвано преподать урок другим народам, а православную веру – как инструмент консервации рабской зависимости и поддержания крепостнического строя.

Критикой «казённого» патриотизма проникнуто и сочинение Л.Н. Толстого «Христианство и патриотизм» [11]. Называя патриотизм чувством очень глупым и в высшей степени безнравственным, отвечающим интересам скорее государств и правительств, нежели народа, Толстой противопоставляет патриотизм истинному христианству, проникнутому нравственным законом: не делай другим того, чего не хотел бы, чтобы делали в отношении тебя. Более того, отмечает писатель, патриотизм – единственное препятствие для единения людей в семью христианских народов. Живучесть же этого феномена объясняется им злонамеренностью господствующих слоёв, которые поддерживают чувство патриотизма в массах исключительно потому, что патриотизм помогает

им удерживать власть. Таким образом, патриотизм – это не добродетель, а рабство. Для широких народных масс он (патриотизм) – отречение от человеческого достоинства и совести. В таком свете, по мнению Толстого, патриотизм превращается в социальный атавизм, который был необходим в прошлом, но утратил свою актуальность в настоящем. Похожей, хотя и менее радикальной точки зрения придерживался философ В.С. Соловьёв. Указывая на опасность превращения патриотизма в национализм, под которым тот понимал превознесение своего народа вплоть до его обожествления, соединённое с враждой к другим народам, в то же самое время Соловьёв отмечал возможность появления нового истинного патриотизма, основанного на христианских началах. Смысл этого истинного патриотизма, с его точки зрения, заключался в объединении людей и народов, а не в их разъединении.

Похожую точку зрения на патриотизм отстаивал другой русский философ Н.А. Бердяев. Признавая любовь к родине высшей ценностью, которая предопределяет собой состояния любых иных сфер общественной жизни, Бердяев указывал на самоценность патриотизма. С его точки зрения, указанный феномен должен рассматриваться в качестве долга гражданина, а будучи первичным социальным феноменом, он не нуждается в дополнительном пояснении. Как следствие, патриотизм не предопределяется ни политикой, ни экономикой. Он не соотносится с типом политического режима или извлечением прибыли. Патриотизм – это бескорыстное служение своей родине. А любые попытки его объяснения, исходя из иных основ, нежели сама его суть, обесценивают его, низводят до предмета политического торга, разрушая само целостное восприятие родины, на котором и зиждется патриотизм.

С точкой зрения Бердяева во многом солидаризировался философ И.А. Ильин, полагая патриотизм актом духовного самоопределения человека, посредством которого человек отождествляет свою судьбу с судьбой народа. Патриотизм является естественно неизбежным явлением и рождается из объединения людей в политические союзы, которые противостоят таким же союзам. Однако рождающийся в таких условиях патриотизм – это патриотизм неразвитый, который легко может переродиться в шовинизм. Патриотизм высшего уровня «зряч». Он понимает все недостатки своей родины и видит, что национальная вражда наносит ей вред. Такой патриотизм Ильин называет «осмысленным и христиански облагороженным» и только в нём видит спасение от проблем и угроз, стоящих перед человечеством. С такой позиции Ильин критикует противников патриотизма, чей нигилизм подтачивает духовные начала родины, а следовательно, и духовную жизнь обычного человека, разрушая в том числе и правосознание человека.

Точку зрения на патриотизм как духовно-религиозный акт творческого возвышения личности отстаивал и Г.В. Флоровский. С его точки зрения, можно говорить о праведном и греховном патриотизме. Если

праведный патриотизм – это смирение перед лицом испытаний, которые выпадают на долю родины, и попытка ненасильственными методами облегчить её участь, то греховный патриотизм – это попытка насильственно изменить сложившееся положение вещей, что влечёт за собой увеличение зла в мире и, как следствие, принижение личности, умножающей данное зло.

Великая Октябрьская Социалистическая революция пресекла дебаты о патриотизме в России. Утвердившаяся идеология в значительной мере снимала вопрос о патриотизме как таковом. Ещё в знаменитом «Манифесте Коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали, что рабочие не имеют отечества, поскольку то отечество, которое им навязывается буржуазией, – это не более, чем инструмент нарастающей эксплуатации рабочего класса. Эта позиция в значительной степени была воспринята В.И. Лениным, которому принадлежит цикл работ, посвящённых национальному вопросу вообще и патриотизму в частности. В условиях гражданской войны и иностранной интервенции национальный патриотизм был трансформирован им в патриотизм классовый, когда главным объектом лояльности стал социальный класс, а именно рабочий класс, к которому и были обращены многочисленные воззвания Ленина. При этом вопрос национального патриотизма рассматривался им исключительно сквозь призму национализма, понимаемого в качестве идеологии принижения и притеснения одной, более сильной нации (народа) другой, более слабой нации (народа).

После смерти Ленина и утверждения И.В. Сталина на посту руководителя СССР начинается период утверждения концепции советского патриотизма как высшего типа патриотизма. Советский патриотизм рассматривался как исключительно государствоцентричный, основу которого составляла верность народа советской родине, т. е. определённой идеологии, на основе которой и строился государственный аппарат. Одновременно для советского патриотизма были характерны некоторые черты национализма в ленинском понимании этого термина. В частности, сознание превосходства социалистической культуры над культурой буржуазных стран, а также социалистического строя над строем капиталистическим. С утверждением концепции советского патриотизма дебаты о содержании указанного понятия в советском общественном сознании были прекращены.

Позиция советского патриотизма в значительной степени соответствовала взгляду на патриотизм ряда зарубежных мыслителей, покинувших Россию после революционных событий 1917 г. Так, по мнению основателя евразийского движения князя Н.С. Трубецкого, российский патриотизм должен быть заменён на общеевразийский. Его субстратную основу должна составлять культура всех народов, проживающих на территории СССР. Этот общеевразийский патриотизм будет носить

двухуровневый характер. На нижнем уровне гражданин должен быть патриотом своего народа, а на верхнем – принадлежать к единой культуре евразийской нации. При этом общеевразийский патриотизм противостоит частным проектам отдельных народов по объединению вокруг себя других народов – «панславизму», «пантуркизму» и т. д., а также превосходит их, поскольку основу его составляет не акцент на какой-то одной стороне общности народа с каким-либо другим народом, а единство исторических судеб народов Евразии.

Впрочем, мнение в поддержку советского патриотизма высказывалось Н.В. Устряловым, основоположником «национал-большевистского» течения политической мысли. Согласно позиции Н.В. Устрялова, патриотическое поведение порой выступает следствием непатриотического сознания. Так, большевики, объединяя и укрепляя Советскую Россию, выполняют задачу русских патриотов. В этом смысле патриотизм большевиков в значительной степени превосходит патриотизм российской интеллигенции, которая желала поражения своему правительству в русско-японской войне 1905 г., Первой мировой войне. Как следствие, большевики выступают наследниками истинного российского патриотизма и будут продолжателями его дела, пока не исчезнет сила и державность российского государства. С распадом Советского Союза и появлением Российской Федерации дебаты о патриотизме возобновились, однако они носили вторичный по отношению к западному политическому и социально-философскому дискурсу характер.

Список литературы

1. *Аристотель*. Никомахова этика / Пер. с дневнегреч. Н.В. Брагинской // Аристотель. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 53–294.
2. *Бердяев Н.А.* Царство духа и царство кесаря. М.: Республика, 1995. 382 с.
3. *Валлерстайн И.* Ни патриотизм, ни космополитизм // Логос. 2006. № 2. С. 126–127.
4. *Вироли М.* Свобода слуг / Пер. с итал. И. Кушнаревой. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. 142 с.
5. *Джефферсон Т.* О демократии / Пер. с англ. М.Д. Маркина. СПб.: Лениздат, 1992. 334 с.
6. *Канторович Э.* Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии / Пер. с англ. М.А. Бойцова и А.Ю. Серегиной. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. 744 с.
7. *Мюллер Я.-В.* Что такое популизм? / Пер. с англ. А. Архиповой. М.: Изд. дом ВШЭ, 2018. 135 с.
8. *Национальная идея в Западной Европе в Новое время. Очерки истории* / Ред.: В.С. Бондарчук. М.: Зерцало-М, 2005. 495 с.
9. *Нуссбаум М.* Патриотизм и космополитизм // Логос. 2006. № 2. С. 110–119.
10. *Тейлор Ч.* Почему демократия нуждается в патриотизме // Логос. 2006. № 2. С. 130–131.

11. Толстой Л.Н. Христианство и патриотизм // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 39. М.: Гос. изд-во худож. лит.-ры, 1956. С. 27–80.
12. Трубецкой Н.С. Об истинном и ложном национализме // Трубецкой Н.С. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. 616 с. С. 113–127.
13. Хабермас Ю. Историческое сознание и посттрадиционная идентичность. Западная ориентация ФРГ // Хабермас Ю. Политические работы / Пер. с нем. Б.М. Скуратова. М.: Праксис, 2005. С. 114–136.
14. Цицерон. О законах / Пер. с лат. В.О. Горенштейн // Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. М.: Наука, 1966. С. 89–152.
15. Цицерон. Об обязанностях / Пер. с лат. В.О. Горенштейн // Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М.: Наука, 1974. С. 58–157.
16. Blank T., Schmidt P. National identity in a united Germany: Nationalism or patriotism? An empirical test with representative data // Political Psychology. 2003. № 24 (2). P. 289–312.
17. Gombert P. Patriotism is Like Racism // Patriotism / Ed. I. Primoratz. Amherst: Humanity Books, 2002. P. 105–112.
18. Kateb G. Patriotism and Other Mistakes. New Haven & London: Yale University Press, 2006. 464 p.
19. MacIntyre A. Is Patriotism a Virtue? // Patriotism / Ed. I. Primoratz. Amherst: Humanity Books, 2002. P. 43–58.
20. Müller J.-W. Constitutional patriotism. Princeton & Oxford: Princeton University Press, 2007. 177 p.
21. Nathanson S. In Defense of “Moderate Patriotism” // Patriotism / Ed. I. Primoratz. Amherst: Humanity Books, 2002. P. 87–104.
22. Nathanson S. Is Cosmopolitan Anti-Patriotism a Virtue? // Patriotism. Philosophical and Political Perspectives / Eds. I. Primoratz, A. Pavković. Hampshire: Ashgate Publishing, 2007. P. 75–91.
23. Nathanson S. Is Patriotism Like Racism? // Patriotism / Ed. I. Primoratz. Amherst: Humanity Books, 2002. P. 113–119.
24. Pavković A. Killing for One’s Country // Patriotism. Philosophical and Political Perspectives / Eds. I. Primoratz, A. Pavković. Hampshire: Ashgate Publishing, 2007. P. 219–234.
25. Shaar J.H. The Case for Covenanted Patriotism // Patriotism / Ed. I. Primoratz. Amherst: Humanity Books, 2002. P. 233–258.
26. Viroli M. For Love of Country. An essay on patriotism and nationalism. Oxford: Oxford University Press, 1995. 206 p.

ENCYCLOPEDIC SEARCH

Alexander PAVLOV

Ph.D. in Law, leading research fellow.
RAS Institute of Philosophy,
Goncharnaya St. 12/1, Moscow 109240, Russian Federation;
e-mail: ale-pavlov@yandex.ru

PATRIOTISM. VERY BRIEF HISTORY OF THE IDEA

The article reveals the concept of patriotism and suggests a very brief history of its idea. First, we consider what was meant by patriotism in Antiquity, Ancient Rome (what terms were used to indicate love for fatherland), in the late Middle Ages, in the Renaissance, in the New Ages and up to the French Revolution. The typology of “patriotism” (tribal, local, national, state, class, corporate patriotism) is given, as well as a comparative analysis of patriotism and nationalism, their distinctive characteristics are named in the article. In particular, it is argued that patriotism is a much older phenomenon than nationalism. The article describes how prominent social and political thinkers talked about patriotism – the Stoics, Cicero, Machiavelli, Hobbes, Rousseau, and the American Founding Fathers, in particular Thomas Jefferson and Abraham Lincoln. Particular attention is paid to Russian thinkers, whose focus was patriotism. Thus, we are talking about Tolstoy, who considered patriotism a “religion of slaves” and opposed it to true Christianity. Other Russian philosophers were more careful in their statements, distinguishing true and false, useful and harmful patriotism (Berdyayev, Ilyin, Florovsky, and N.S. Trubetskoy, Ustryalov). In addition, the article briefly examines how Lenin and Stalin understood patriotism in a “class sense”.

Keywords: patriotism, social philosophy, political theory, history of ideas, Marxism, fatherland, homeland, nationalism, American credo, the state

References

1. Aristotle. “Nikomakhova etika” [Nicomachean Ethics], in: Aristotle, *Sochineniya* [Selected Works], Vol. 4. Moscow: Mysl’ Publ., 1984, pp. 53–294. (In Russian)
2. Berdyayev, N. *Tsarstvo dukha i tsarstvo kesarya* [The Realm of Spirit and the Realm of Caesar]. Moscow: Respublika Publ., 1995. 382 pp. (In Russian)
3. Blank, T. & Schmidt, P. “National identity in a united Germany: Nationalism or patriotism? An empirical test with representative data”, *Political Psychology*, 2003, No. 24 (2), pp. 289–312.
4. Bondarchuk, V. (ed.) *Natsional’naya ideya v Zapadnoi Evrope v Novoe vremya. Ocherki istorii* [The National Idea in Western Europe in the New Time. Essays on the History]. Moscow: Zertsalo-M Publ., 2005. 495 pp. (In Russian)
5. Cicerō. “O zakonakh” [On the Law], trans. V. Gorenshtein, in: Cicerō, *Dialogi. O gosudarstve. O zakonakh* [Dialogues. About the State. On the Law]. Moscow: Nauka Publ., 1966, pp. 89–152. (In Russian)
6. Cicerō. “Ob obyazannostyakh” [The Responsibilities], trans. V. Gorenshtein, in: Cicerō, [O starosti. O druzhbe. Ob obyazannostyakh [About old age. On friendship. The responsibilities]. Moscow: Nauka Publ., 1974, pp. 58–157. (In Russian)
7. Gomberg, P. “Patriotism is Like Racism”, *Patriotism*, ed. I. Primoratz. Amherst: Humanity Books, 2002, pp. 105–112.
8. Habermas, J. “Istoricheskoe soznanie i posttraditsionnaya identichnost’. Zapadnaya orientatsiya FRG” [Historical consciousness and post-traditional identity. The Western orientation of West Germany], in: J. Habermas, *Politicheskie raboty* [Political Works], trans. B. Skuratov. Moscow: Praxis Publ., 2005, pp. 114–136. (In Russian)
9. Jefferson, T. *O demokratii* [About Democracy], trans. M. Markin. St. Petersburg: Lenizdat Publ., 1992. 334 pp. (In Russian)
10. Kantorovich, E. *Dva tela korolya. Issledovanie po srednevekovoi politicheskoi teologii* [The King’s Two Bodies. Research on Medieval Political Theology], trans. M. Boitsov & A. Seregina. Moscow: The Gaidar Institute Publ., 2014. 744 pp. (In Russian)
11. Kateb, G. *Patriotism and Other Mistakes*. New Haven & London: Yale University Press, 2006. 464 pp.
12. MacIntyre, A. “Is Patriotism a Virtue?”, *Patriotism*, ed. I. Primoratz. Amherst: Humanity Books, 2002, pp. 43–58.
13. Müller, J.-W. “Chto takoe populizm?” [What is Populism?], trans. A. Arkhipova. Moscow: Higher School of Economics Publ., 2018. 135 pp. (In Russian)
14. Müller, J.-W. *Constitutional patriotism*. Princeton & Oxford: Princeton University Press, 2007. 177 pp.
15. Nathanson, S. “In Defense of “Moderate Patriotism””, *Patriotism*, ed. I. Primoratz. Amherst: Humanity Books, 2002, pp. 87–104.
16. Nathanson, S. “Is Cosmopolitan Anti-Patriotism a Virtue?”, *Patriotism. Philosophical and Political Perspectives*, eds. I. Primoratz & A. Pavković. Hampshire: Ashgate Publishing, 2007, pp. 75–91.
17. Nathanson, S. “Is Patriotism Like Racism?”, *Patriotism*, ed. I. Primoratz. Amherst: Humanity Books, 2002, pp. 113–119.

18. Nussbaum, M. "Patriotizm i kosmopolitizm" [Patriotism and Cosmopolitanism], *Logos*, 2006, No. 2, pp. 110–119. (In Russian)
19. Pavković, A. "Killing for One's Country", *Patriotism. Philosophical and Political Perspectives*, eds. I. Primoratz & A. Pavković. Hampshire: Ashgate Publishing, 2007, pp. 219–234.
20. Shaar, J. H. "The Case for Covenanted Patriotism", *Patriotism*, ed. I. Primoratz. Amherst: Humanity Books, 2002, pp. 233–258.
21. Taylor, Ch. "Pochemu demokratiya nuzhdaetsya v patriotizme" [Why Democracy Needs Patriotism], *Logos*, 2006, No. 2, pp. 130–131. (In Russian)
22. Tolstoy, L. "Khristianstvo i patriotizm" [Christianity and Patriotism], in: L. Tolstoy, *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works], Vol. 39. Moscow: State Publishing House for Literary Works, 1956, pp. 27–80. (In Russian)
23. Trubetskoy, N. "Ob istinnom i lozhnom natsionalizme" [About True and False Nationalism], in: N. Trubetskoy, *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2010, pp. 113–127. (In Russian)
24. Viroli, M. *For Love of Country. An essay on patriotism and nationalism*. Oxford: Oxford University Press, 1995. 206 pp.
25. Viroli, M. *Svoboda slug* [The freedom of servants], trans. I. Kushnareva. Moscow: Higher School of Economics Publ., 2014. 142 pp. (In Russian)
26. Wallerstein, I. "Ni patriotizm, ni kosmopolitizm" [Neither patriotism nor cosmopolitanism], *Logos*, 2006, No. 2, pp. 126–127. (In Russian)